

ЛЕГИТИМАЦИЯ ВЛАСТИ И ПРАВО

Др. Сергей Викторович Пролеев

Институт философии НАН Украины
Домашний адрес: Украина 02068, Киев-68, просп. Григоренко 25, кв. 68
Тел. офиса (380-44) 229-16-70
E-mail: uffon@carrier.kiev.ua

*Pateikta 2002 m. sausio 14 d.
Parengta spausdinti 2002 m. balandžio 11 d.*

*Recenzavo Lietuvos teisės universiteto Teisės fakulteto Teisės filosofijos katedros vedėjas
prof. habil. dr. Alfonsas Vaišvila ir šios katedros doc. dr. Vytautas Šlapkauskas*

Краткое содержание

Статья посвящена анализу взаимосвязи власти и права. Автор обосновывает тезис, что власть не может реализовываться иначе, как опираясь на право. на власть. Этим обусловлена необходимость легитимации власти – обоснование ее правомочности. По различию трансцендентальной инстанции, которая выступает источником и основой властвования, выделяются пять основных типов легитимации. Это: власть от обычая, от Бога, от преимущества лучших, от превосходства силы, от доверия людей. Каждый из типов легитимации коррелятивен определенной политико-правовой системе. Это, соответственно: традиционное общество, архаическое (сакральное) или теократическое государство, сословное государство, тиранический (авторитарный) режим, система представительной демократии.

Ключевые слова: *власть, право, право на власть, воля, легитимация власти, типы легитимации, политико-правовые системы.*

Всякая нормативность – будь-то правового или морального порядка – является выражением властвования и способом его конституирования. Система права всегда суть система осуществления власти и властных отношений. Поэтому анализ феномена власти служит основой понимания как морали, так и права. В своей статье я воздержусь от метафизических изысканий относительно природы и сущности власти. Предметом рассмотрения будет лишь один отдельный сюжет: взаимосвязь власти с идеей права, выраженная в невозможности для власти существовать иначе, как на основе реализации *права на власть*. Таким образом, исходный тезис таков: не только право является выражением и закреплением отношений власти, но и само властвование не может осуществиться помимо права на власть (хотя право в последнем случае имеет гораздо более общее значение, чем система позитивного законодательства).

Целью данной статьи является, во-первых, определение *права на власть* как необходимого элемента конституирования ситуации властвования (иными словами: место права на власть в структуре отношений властвования); во-вторых, анализ и типология тех оснований, исходя из которых власть признается *правомерной* (легитимной); в-третьих, установление взаимной корреляции между основными типами легитимации власти с одной стороны, и соответствующими политико-правовыми системами – с другой.

Диспозициональный принцип определения

Дискурс о власти разворачивается преимущественно в двух контекстах, результатом чего становятся два рода понятий о власти. Первый из них я назову *диспозиционными* понятиями власти, второй – *рефлексивными*. Диспозиционное понятие рассматривает власть как отношение, возникающее между различными лицами, существами, вообще участниками, наиболее общими презентациями каковых выступают *господствующая* и *повиная* воли.

Рефлексивное же понятие фиксирует власть как отношение человека к собственному бытию, отождествляя ее со способностью быть, существовать, утверждать себя как особое сущее. Между диспозиционным и рефлексивным принципами нет противоречия, в философских и социологических теориях власти они нередко задействуются оба, хотя обычно все же доминирует один из них – как, например, диспозиционный принцип в теории власти М. Вебера или рефлексивный принцип у З. Фрейда и в психоаналитических концепциях. Я указал на это различие, чтобы локализовать собственное рассуждение преимущественно в рамках диспозиционного принципа, тем самым очерчивая его теоретические границы.

Парадокс властвования

Всякому акту властвования присущ известный парадокс. В своей непосредственной данности ситуация власти предстает как отношение воли, различным образом сопрягающихся друг с другом и приобретающих в нем, в этом отношении, качества *воли господствующей* и *воли повиной*. Следовательно, участниками власти по определению должны быть существа, обладающие свободной волей.

Но понятие свободы предполагает, что моя воля, поскольку она является свободной, равна всякой иной и никакая другая воля не имеет над ней преимущества. То есть между существами, обладающими свободной волей, не могут возникнуть отношения властвования, невозможно никакое господство и подчинение.

С другой стороны, и господство, и подчинение являются актами воли, – в силу чего власть предполагает в качестве своих участников именно свободные воли и только в их отношениях может конституироваться. То есть в качестве необходимой предпосылки власть требует того, что делает невозможным саму власть – таков парадокс, присущий всякому акту властвования. Он возбуждает закономерный вопрос: как вообще возможна власть, если ее участниками являются люди, обладающие свободой воли? Рассмотрим, как может быть разрешен этот парадокс.

Трансцендентальные основания власти

Власть лишь по-видимости принадлежит тому или иному лицу. Если некто и имеет власть, то в силу тех или иных оснований, служащих источниками его власти. В этих-то источниках и аккумулируется власть. Они – источники власти – являются некоторыми устойчивыми элементами культуры, схематиками распределения и соотношения сил, в соответствии с которыми строятся все отношения, разворачиваются жизненные стратегии и совершаются индивидуальные, равно как и коллективные усилия людей. Так, например, если в культуре существует высокая социальная значимость денег, то в ней может иметь место власть богатства. Не сам человек имеет в этом случае власть, а властвует богатство, распорядителем которого является данный человек, что и позволяет ему господствовать.

Источники власти всегда трансцендентальны в отношении конкретных ситуаций и актов властвования. Они – их условия возможности, их основания и содержательный горизонт. Непосредственно, например, мы имеем власть заимодавца над должником. Но действительным основанием и предпосылкой этого отношения является значимость и власть денег. Только опосредуясь через эту трансцендентальную инстанцию и могут строить свои отношения заимодавец и получатель кредита. Я не

говоря уже о более общем трансцендентальном принципе, который делает возможной подобные отношения зависимости – об авторитете договорного начала, идеях договора и взаимного возмещения. Ведь только на почве этого принципа данные другому деньги становятся данными *взаимы, подлежащими возврату* и в итоге создающими те отношения зависимости (кстати, взаимной), которые мы находим между должником и заимодавцем. Устраните идею договора – и вместе с ней исчезнет всякая власть одного над другим. Властвует, следовательно, не одно лицо над другим, а *принцип бытия*, который регламентирует, определяет и создает определенные отношения – диспозиции людей друг относительно друга.

Разрешение парадокса

Таким образом, парадокс, присущий властвованию, разрешается тем, что в ситуации власти не одна воля непосредственно подчиняет себе другую, а *господствует трансцендентальный принцип*, высшее начало бытия, репрезентированное культурной формой и служащее условием возможности самой свободной воли. Власть над волей может иметь лишь то, что является основанием ее, делает ее возможной. Лишь опосредуясь этим трансцендентальным принципом, который выступает как источник или инстанция власти, одна воля приобретает качество господствующей, а другая повинуется ей. В каждом акте властвования заключается явная или неявная апелляция к трансцендентальному принципу – тому онтологическому основанию, которое делает возможным существование отношений господства и подчинения между людьми.

Мы пришли к выводу, что власть есть власть трансцендентального начала, репрезентированного культурой. Но как, в этом случае, конституируется ситуация властвования, в которой одна воля становится господствующей, а другая подвластной?

Амбивалентный процесс признания/оправдания власти

Власть только тогда может существовать как устойчивое, воспроизводящееся отношение, когда она оправдана перед волями, которые являются участниками власти, т.е. когда *подтверждено ее право*. Власть должна быть признана и теми, кто господствует, и теми, кто подчиняется. Власть надо мной имеет лишь то, что принято моей собственной волей. В противном случае мы имеем не власть, а лишь вполне натуральное соотношение неравенства сил, в котором одна сила естественным образом оказывает воздействие на другую. Власть, коль скоро ее участниками являются существа, наделенные свободной волей, неотъемлема от процедур ее обоснования, признания ее правомочности и законности, т.е. *легитимности*.

Обоснование – значит и конституирование – власти включает в себе два основных момента: во-первых, *признание* власти со стороны повинующейся воли, в котором – признании – воля собственно и приобретает качество подвластной. В этом признании разрешается вопрос „почему я должен повиноваться?“ Власть есть то, что воля установила для самой себя – это касается

воли подвластной в не меньшей мере, чем воли господствующей.

Во-вторых, господствующая воля также должна оправдать власть для самой себя, подтвердить правомочность своих распоряжений и разрешить вопрос „зачем я должен властвовать?“ На этот момент следует обратить не меньшее внимание, чем на признание власти со стороны подвластного. Ведь если для последнего очевидно известное ущемление его свободы в ситуации власти, то для господствующей воли мы имеем подобную же коллизию. Господствующая воля должна *принять на себя ответственность*. Актом принятия ответственности она также связывает, стесняет и обязывает себя. Здесь также можно говорить об ограничении свободы и потому всякая ситуация власти есть ограничение свободы всех ее участников – как воли господствующей, так и подчиненной. Это хорошо показал в свое время Гегель в известной диалектике раба и господина [2, с. 103–104].

Таким образом, нашим рассуждением установлено, что властвование имеет в своем основании апелляцию к трансцендентальному принципу и конституируется в виде амбивалентного процесса признания/оправдания власти, и благодаря чему становятся возможными устойчивые, воспроизводящиеся отношения господства-подчинения, участниками которых являются свободные воли. Посредством конституирования власти как власти трансценденции (а не той или иной личной воли) и вытекающего из него процесса признания/оправдания отношений господства-подчинения разрешается описанный выше парадокс властвования.

Типология легитимации: три типа легитимного господства М. Вебера

Следующий вопрос, который с необходимостью возникает по поводу права на власть: „Если в основе любых властных отношений лежит признание права на власть, то в силу каких оснований данное признание достигается, а власть, соответственно, становится правомочной, или легитимной?“. В данном случае легитимной мы будем считать власть, которая признана действительной со стороны ее участников, а это ближайшим образом значит, что легитимная власть может служить и служит источником права. Правомочность – то есть способность власти служить общественно признанным источником права – является главным критерием ее легитимности.

Классическая типология форм легитимации власти осуществлена М. Вебером. Как известно, он выделяет „три чистых типа легитимного господства“: легальный, традиционный и харизматический [1, с. 157]. К сожалению, ограниченные рамки статьи не дают возможности проанализировать веберовские типы легитимации и сопоставить их с нижеследующей типологией. Отмечу лишь два принципиальных различия. Во-первых, у Вебера речь идет о легитимации *господства*, а не власти в полном смысле слова. То есть налицо редукция феномена власти к отношению господства. Во-вторых, в полном соответствии с данной теоретической редукцией, в качестве основания выделения вышеуказанных трех типов легитимации Вебер называет „принципиально отличную социологическую структуру штатов управления и средств, которыми оно [господство] осуществляется“ [1, с. 157]. Напротив, в ниже предлагаемой типологии критерием служит различие трансцендентальных оснований, исходя из которых власть признается правомочной.

Культурно-исторический анализ позволяет выделить пять основных типов легитимации властных отношений. Данные типы определяются различиями того трансцендентального начала, которое является основой и источником власти. Это: власть от обычая, от Бога, от преимущества лучшего, от превосходства силы, от доверия людей – рода, народа. Рассмотрим их, хотя по необходимости это рассмотрение будет крайне беглым и схематичным.

Власть от обычая

Древнейшим типом легитимации власти есть право на власть, основанное на обычае как регламентирующем начале всех отношений и действий. Нечто

совершается так, а не иначе, поскольку „так заведено, так принято, именно так это делается”. В традиционном обществе обычай является универсальной основой социальной нормативности вообще.

В виде обычая господствует имперсональная всеобщность социума, хотя в своем истоке он, как правило, апеллирует к какой-нибудь легендарной или мифологической персоне. По своему смыслу обычай является амбивалентным: с одной стороны, сила его нормативности как будто образована простой регулярностью выполнения дела. То, что определенное время делается так, образует правило, что именно так необходимо делать. Здесь как будто господствует не личность и ее воля, а исключительно время, которое испытало и утвердило именно такую форму деятельности. Обыденное сознание на вопрос „Почему именно так нужно действовать?” всегда дает один и тот же ответ: „Потому, что так *повелось*”. В обычае власть выглядит тождественной с непосредственным „ходом дел”, „движением вещей”. Но, с другой стороны, обычай заключает в себе апелляцию к своему началу. Он не только ссылается на время как свое оправдание, а указывает на особенную ситуацию своего учреждения. Он содержит не только констатацию, но и *предписание* (императив): не просто „мы так делаем всегда”, но и „только так требуется поступать, чтобы ожидания оправдались”. Сила обычая в том, что он указывает на подлинность, аутентичность бытия. Его основанием служат вполне трансцендентальные начала.

Анализ традиционного общества показывает, что обычаи, даже мельчайшие, погружены в миф, который их проясняет оправдывает и придает признаки подлинной формы бытия. Обычаи образуются в особенное мифологической „время оно” – эпоху изначального упорядочения мира богами и героями. То, что происходит в соответствии с обычаем, было когда-то положено начало мифологическим персонажам. Именно его поступок служит исходной точкой, с которой „все повелось”. Следовательно, не абстрактная длительность времени устанавливает обычай, а особенная онтологическая формула, которую находим в мифе. При всей своей непосредственности и простоте, обычай служит способом освящения действительности, он всегда содержит апелляцию к „подлинности бытия”.

Власть обычая ассоциируется прежде всего с первобытной эпохой. Действительно, именно на заре истории он является универсальной формой общественной нормативности, с возникновением цивилизации все больше уступая место праву, личной воле, религиозным установлениям и другим социокультурным регулятивам. Однако ошибочно полагать, что власть обычая исчезает вместе с традиционным обществом. Современная жизнь также в значительной мере упорядочена именно обычаями и содержит апелляцию к ним: традиции являются устоявшейся формой организации всякой деятельности. В современных обычаях лишь меняется трансцендентальное начало, которое мыслится как исходная точка обычая. Это уже не персонаж мифа и его поступок в правремени, а вполне де мифологизированный аргумент. В целом же спектр ситуаций власти, легитимированных и задаваемых обычаем, чрезвычайно широк. Он простирается от повседневных привычек, посредством которых индивидуальная и коллективная воля устанавливает обыкновения и регулятивы для себя, до политических и духовных традиций, определяющих культурную специфику общества.

Власть от Бога

Второй тип легитимации власти составляет апелляция к Богу как трансцендентальной основе и источнику всякой власти. Власть культуры как индивидуальная изначально мыслится в качестве имеющей исток в воле Бога. Это вполне логично, поскольку, если принять, что деянием Божества сотворен мир, то Ему же принадлежит и полнота власти над бытием. Всякая иная власть может существовать только как утвержденная волей Бога, словно заимствуя частицу

божественных властных полномочий. По этой логике все, кто осуществляет власть среди людей, являются лишь служителями божественной воли.

В архаических обществах правитель выступает прямым репрезентантом божественной воли, выполняя функции жреца. Для первых государств характерно соединение государственной и культовой власти в фигуре так называемого „царя-жреца“. Следует отметить, что эта двойственность правителя присуща как великим деспотиям Востока, так и зародышевым государственным формам в иных регионах (как то минойская культура, этруски и т.д.). В великих империях древнего мира имеет место прямое обожествление правителя, который предстает как живой бог. Причем обожествление правителя является крайне стойкой и долго живущей формой легитимации власти. Начинаясь классическими примерами египетских фараонов и вавилонских царей, эта традиция существует на протяжении всей древней истории. Она подчиняет себе не только собственно восточные организации (как то Мидия, Шумер, Элам, Персидское царство), а и великие античные империи – эллинистические монархии, а потом и Римскую империю.

Однако влияние и значение легитимации власти путем апелляции к над-человеческому, мистическому авторитету демонстрирует не только древняя, а и современная история. Опыт тоталитарных режимов текущего столетия показал, что – несмотря на светский характер государства, – в условиях тоталитаризма происходит историческая инверсия и возобновление архаических форм власти; разумеется, с присущим последним типом легитимации. Так, коммунистическая государственность подчеркнуто отбрасывает Бога, но на его место она ставит другую мистическую силу, к которой постоянно апеллирует и за счет которой себя утверждает – закон истории, воплощенный в исторической миссии пролетариата. Характерно, что и государственная система в условиях тоталитаризма реанимирует деспотическую власть правителя и фактически обожествляет его. Пример Ленина служит едва ли ни самым наглядным: в его лице не только мысль и поступки конкретной личности приобрели качества непогрешимости и непререкаемой истинности, но даже тело пытается приобрести божественное качество нетленности.

Вообще говоря, не только тоталитарные, а и демократические режимы вводят в систему легитимации власти апелляции к трансцендентальным, вполне сакральным по способу бытия ценностям, как-то права человека, неприкосновенность собственности, свобода, общечеловеческие ценности. Не ограничиваясь точно определенным правовым значением, эти апелляции играют существенную роль в установлении, функционировании и содержательном определении демократического государства.

Власть от преимущества лучших

Третьим из основных типов легитимации власти является установление властных отношений на основе преимущества лучших. Если моя воля отчего-то должна следовать за другой, то, естественно, потому что другая превосходит мою в своих достоинствах. Я доверяю тому, кто лучше меня способен сделать выбор, определиться в обстоятельствах, последовательно действовать. Поэтому признание преобладания над собой лучшего выглядит вполне естественно.

„Лучшесть“ в зависимости от социокультурных контекстов определяется по различным критериям. Исторически наиболее устоявшейся формой служило превосходство происхождения (родовитость). Кто вел свой род от наиболее выдающихся особ, тот выступал как лучший, знатный. Лучшие образовывали высшее сословие в обществе – аристократию. Однако критерий „лучшесть“ может быть и другим. Олигархия тоже организована по тому же принципу, но тут критерием служит не родовитость, а деньги и имущество. Лучший тот, кто имеет большее достояние, богатство. Он имеет превосходство над другими и получает право на власть. Однако, подчеркнем, не голый силой денег и богатства. В большинстве докапиталистических обществ само по себе богатство не обеспечивало высокого социального статуса и

причастности к власти. Для этого необходимо, чтобы оно было *признано* критерием лучшести человека. Только при этом условии оно становится источником власти.

Вместе с феодальным обществом канул в прошлое социальный строй, в котором аристократический принцип превосходства лучших был легитимирующей основой власти. Однако и в современных условиях преимущество лучших остается одним из элементов обоснования и действия системы власти. Отличие состоит лишь в том, что признаком „лучшести” стала *компетенция*. С тех пор как политика стала профессиональным занятием (а возможность для этого создает лишь гражданское общество и режим демократии), компетентность приобрела решающее значение для оправдания претензии на власть. Наилучший политик – это политик, наиболее компетентный, искусно и умело ведущий политическое дело и благодаря этому побеждающий других в открытом публичном состязании, которым становится политика в демократических обществах.

Наследуемая „власть лучших”, воплощенная в господстве благородного сословия, в современном обществе замещается господством *политических элит*. Элиты не являются ни сословиями, ни социальными классами. Однако они охватывают тот круг людей, за которыми стоит *общественно признанное* преимущество относительно участия во власти и распоряжении ею. Это преимущество члены политической элиты приобретают либо благодаря своей компетенции и политическому опыту, который получил общественное признание, либо же благодаря иным факторам социального влияния, которые присущи той или иной персоне (богатство, моральный авторитет, контроль над армией и т.д.).

Крайним случаем действия принципа „власти лучших” является господство харизматического лидера. Он выступает как безусловно лучший среди каких бы то ни было претендентов на власть. Более того: обыкновенно харизматический лидер, который приобрел признание всего общества, начинает восприниматься как единственно возможный носитель и распорядитель верховной власти (образы „отца нации”, „великого вождя” и т.п.). Таким образом, легитимация власти по принципу превосходства лучших охватывает широкий круг политических явлений – от сословного аристократического общества до власти политических элит и харизматических лидеров.

Власть от превосходства силы

Четвертым типом легитимации власти является право на власть, признание коего основывается на превосходстве силы, которой обладает господствующая воля. Подчеркнем, что этот тип власти следует отличать от непосредственного насилия и принуждения. Основой его является *признание* превосходства силы со стороны подвластного, а не прямое применение силы, вследствие чего его подчинение оказывается добровольным. Насилие также должно создать силы, которые будут двигать человеком не извне, а изнутри. Такими силами становятся страх, энтузиазм, рабское сознание. Принуждение имеет целью достичь покорности волю, которые затем уже сами действуют в соответствии с установлениями властвующих.

Власть от доверия людей

Наконец, последним типом легитимации власти является право на власть, обеспечиваемое доверием людей. Данный тип власти включает в себя признание за каждым человеком автономной воли, которая делает его самостоятельным субъектом всех своих действий и стремлений. Соответственно власть предстает как общечеловеческое достояние. Существовать как общее достояние она может лишь настолько, насколько каждый из людей отделил от себя часть собственной воли и передал ее в распоряжение общей власти. Такая система отношений в социуме

означает, что власть легитимируется доверием людей, которые собственной волей наделяют ее соответствующими полномочиями.

Классическим примером власти, право которой обосновано доверием людей, служит, конечно, республика. Именно с возникновением республики начинается история магистратур – властных постов, которые занимают лица, избранные народом, ему подотчетные и четко определенные в своих полномочиях (в том числе и сроком их исполнения). Принцип власти „от доверия людей” непосредственно связан, с одной стороны, с признанием в человеке существа с автономией свободной воли, с другой – с идеей народного суверенитета.

Республика служит классической формой народовластия, однако легитимация власти доверием людей присутствует и в других политических системах. Так, например, русские цари традиционно считались опекунами крестьянства, были уверены в его поддержке и, нужно сказать, небезосновательно. Представление о том, что порядок в России держится властью царя было широко распространенным в крестьянстве, хотя и претерпело исторические изменения, вызвав, в частности, казус выборов в I Государственную думу России (1905 г.). Согласие царя и его администрации на выборы в значительной мере опиралось на уверенность в поддержке крестьянством существующей власти, вследствие чего в избирательном законе были обеспечены преимущества в представительстве крестьянам перед рабочими. И настоящим шоком для российского самодержца стал итог выборов, который засвидетельствовал антимоноархическую настроенность значительной части крестьянства.

Типы легитимации и политико-правовые системы

Можно утверждать, что любая государственная, политико-правовая система зиждется на всех вышеозначенных принципах легитимации. Она использует и силу привычки, и сакрализацию, и принуждение, и доверие людей в разных формах. Нельзя смотреть на каждый из типов легитимации власти лишь как на историческую ступень ее развития, которая сменяется другой, тогда как прежняя исчезает. Каждый из этих типов – постоянно действующий фактор организации и осуществления власти, который при определенных обстоятельствах получает преимущество перед другими или, напротив, отходит на задний план.

Но, тем не менее, доминирование одного из этих типов над другими,

приобретение им роли главного механизма обоснования права на власть (т.е. ее легитимации) создает определенный *тип государства* (политико-правовой системы), имеющий вполне наглядное историческое воплощение. Можно утверждать, что каждый из типов легитимации *коррелятивен* определенному типу государственности. Каковы же эти корреляции?

Легитимация власти „от обычая” соответствует догосударственному общественному бытию. Государство, которое утверждает свою власть как „богоданную” и себя в качестве проводника Божьей воли, становится *сакральным государством*. Легитимация политической власти по принципу *преимущества лучших* наиболее наглядным образом воплощается в *сословном государстве*. Насилие и принуждение образуют главные опоры конституирования *тиранического государства*, которое держится силой репрессий и сутью которого является узурпация власти. В конце концов, легитимация государственности путем *доверия людей* создает систему представительной власти; прежде всего это *республика* и современная демократия.

Выводы

1. Всякая социальная нормативность (в том числе мораль и право) является – в силу своей рескриптивной природы – выражением власти. В свою очередь, власть не может реализовываться иначе, как опираясь на право на власть.

2. Власть в человеческих обществах с необходимостью (вследствие наличия у людей свободной воли) должна быть признана/оправдана со стороны ее участников. Это делает легитимацию власти основой ее существования в человеческом сообществе. Власть может существовать там и тогда, где и когда утверждено ее право.

3. Специфику отношений властвования определяет трансцендентальная инстанция, которая служит источником и основой власти. Апелляция к данной трансцендентальной инстанции является основой легитимации власти для ее участников. Легитимную власть отличает то, что она сама становится общественно признанным источником социальной нормативности (в том числе права и морали).

4. По различию трансцендентальной инстанции властвования можно выделить пять основных типов легитимации власти: власть от обычая, от Бога, от преимущества лучших, от превосходства силы, от доверия людей.

5. В реальных, исторических политико-правовых системах всегда задействованы – в той или иной мере и форме – все названные типы легитимации. Именно их комплексное воздействие обеспечивает устойчивую легитимность власти и эффективность социальных регулятивов. Вместе с тем, можно выделить идеальные типы политико-правовых систем, в которых доминирует один из основных принципов легитимации. Власти от обычая соответствуют традиционное общество, власти от Бога – архаическое (сакральное) или теократическое государство, власти от преимущества лучших – сословное государство, власти от превосходства силы – тиранический (авторитарный) режим, власти от доверия людей – система представительной демократии.

□ □ □

ЛИТЕРАТУРА

1. Вебер М. Три типа легитимного панування // Соціологія. Загальноісторичні аналізи. – Київ, 1998.
2. Гегель Г. Феноменологія духа. Сборник. 1999.

□ □ □

Valdžios legitimiškumas ir teisė

Dr. S. V. Prolejev

Filosofijos institutas, Ukraina

SANTRAUKA

Analizuodamas valdžios ir teisės santykį autorius pagrindžia tezę, kad valdžia gali būti įgyvendinama tik remiantis teise į valdžią. Tai lemia valdžios legitimavimo būtinybę – jos teisėtumo pagrindimas. Skiriami penki pagrindiniai valdžios legitimavimo būdai: valdžia iš papročio, valdžia iš Dievo, iš geriausių žmonių pranašumo, iš jėgos persvaros, iš žmonių pasitikėjimo. Kiekvienas valdžios legitimavimo būdas sąveikauja su tam tikra politine – teisine sistema. Pagal tai skiriamos šios politinės – teisinės sistemos: tradicinė visuomenė, archainė (sakralinė) arba teokratinė valstybė, luominė valstybė, tironija (autokratinis režimas), atstovaujamosios demokratijos sistema.

The Legitimization of Power and Law

Dr. S. V. Prolejev

National Academy of Sciences of Ukraine, Ukraine

SUMMARY

The article deals with the mutual links between the power and the law. The reasoning proceeds from the statement that a social normativity (including the ethics and the law) by virtue of its instructing nature is an expression of the power. In its turn, the power can not be set up otherwise as based on the law of the power. Inasmuch as the beings have a free will, the power in human societies must be recognized (or justified) by its participants. It makes the legitimization of power be the ground of its existence in a human society. The power can exist the when and the where, whereat its law was established.

The specificity of the power relations is determined with a transcendental instance, which serves as a source and basic of the power. The appeal to the transcendental instance is the foundation of the legitimization of power for its participants. The characteristic of a legitimate power is that that it is becoming a social recognized source of the social normativity (including the ethics and the law). According to the diversity of a transcendental instance there are five major types of the legitimization of the power: based on the custom, the power of God, the advantage of the best, the superiority of force, a human confidence. The particularities of all these types are analyzed in the article.

All types of the legitimization to some extent always are engaged in the real historic political-legal systems. Their all-embracing impact provides the stable legitimization of power and the efficacy of social regulators. At the same time, the ideal types of the political-legal systems could be singled out, in which the one of the main principle of the legitimization dominates. The power based on a custom is corresponding to traditional society; the power of God – to archaic (sacred) or theocratic state; the power of the advantage of the best – to estate state; the power of the superiority of force – to tyrannical (autocratic) regime; the power of a human confidence – to system of a representative democracy.